

ВИШЕГРАДСКАЯ “ЧЕТВЕРКА” И РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© 2020 г. Ф. Басов

*БАСОВ Фёдор Алексеевич, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (fabasov2@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 01.09.2020.

Эта статья посвящена исследованию позиции вишеградских стран (Венгрии, Польши, Чехии и Словакии) по вопросу дальнейшего развития европейской интеграции. Особое внимание уделено таким важным проектам ЕС, как Оборонный союз, Энергетический союз и “Европейская зеленая сделка”. В статье также анализируется позиция стран группы по вопросам миграции, институциональных проблем развития ЕС, энергетической безопасности. Вишеградские страны поддерживают основные проекты Евросоюза и “Европу двух скоростей” как метод европейской интеграции. Страны группы заинтересованы в ее развитии.

Ключевые слова: Вишеградская “четверка”, Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Европейский союз, европейская интеграция, Оборонный союз, Энергетический союз, “Европейская зеленая сделка”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95

Вишеградские страны (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия)¹, в отличие от других государств, вступивших в Европейский союз в 2004 г. и позднее, вошли в ЕС не для того, чтобы лишь соответствовать ожиданиям старых членов и следовать в фарватере их европейской политики, а для того, чтобы сформировать собственный центр силы в Евросоюзе. Еще в 2005 г. немецкий историк Карл Шлегель в своей работе под названием “Центр – на Востоке” [1] писал: “Центральная Европа – это не фикция, а факт, исторически связанный регион”. Вишеградская группа имела целью отстаивание политической независимости своих государств-участников. До 2004 г. эти страны были объединены стремлением поддерживать друг друга в процессе интеграции в евроатлантические структуры, а после вступления в ЕС совместно отстаивают общие интересы группы внутри Евросоюза.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЕС И БРЕКЗИТ

Вишеградские страны принято считать мягкими евроскептиками, сторонниками конфедеративного и межправительственного подхода, который заключается в отказе от усиления роли Европейского парламента (ЕП) и Еврокомиссии, нацеленности на увеличение значения Европейского Совета и Совета ЕС. Страны группы выступают за усиление роли национальных парламентов и правительств. При этом они стремятся к тому, чтобы

¹ В Вишеградскую группу стран (Вишеградскую “четверку”, В4) входят Венгрия, Польша, Чехия и Словакия. Название группа получила по месту ее первого саммита (15 февраля 1991 г.) – венгерскому городку Вишеград.

решения в Евросоюзе принимались единогласно, а не большинством голосов, поскольку это позволит лучше учитывать позицию вишеградских стран, не обходить ее стороной при принятии решений на уровне ЕС. Вишеградская “четверка” заявила, что сформулирует общую позицию и подготовит общие предложения по реформе Евросоюза.

Неоднозначное отношение страны “четверки” демонстрируют к концепции “Европы двух скоростей”. Часть исследователей утверждала, что они выступают против такого подхода [2]. Однако именно он представляется сейчас единственно возможным методом развития европейской интеграции, которая, по сути, представляет собой интеграцию проектов в отдельных сферах (например, Оборонный или Энергетический союзы ЕС). В этих условиях именно двухскоростная Европа предлагает возможность странам самим, исходя из своих интересов, принимать решение, в каком объеме и в каком темпе они участвуют в реализации интеграционных проектов.

Часто исследователи обращают внимание на возрастающую дистанцию по вопросу отношения к интеграции внутри Вишеградской группы между Чехией и Словакией, с одной стороны, и Польшей и Венгрией, с другой [3, с. 81]. Прага и Братислава не находятся в состоянии жесткого противостояния с Брюсселем, как Варшава и Будапешт. Чешский и словацкий евроскептицизм представляется слабее, а уровень поддержки Брюсселя – выше. Такой разрыв внутри В4 проявляется, в частности, в интересе Праги и Братиславы к деятельности обрванной в 2018 г. “Новой Ганзейской лиги” – группы из восьми стран – членов ЕС, выступа-

ющих за усиление финансово-экономической интеграции в Евросоюзе и создание Банковского союза ЕС. В ноябре 2018 г. Чехия и Словакия совместно с “Новой Ганзейской лигой” подписали призыв к усилению Европейского стабилизационного механизма (ЕСМ).

Важно отметить, что Германия (в первую очередь Союз ХДС/ХСС Ангелы Меркель) в последние годы также в большей степени стала придерживаться межправительственного, а не федералистского подхода. Немецкие консерваторы, в отличие от социал-демократов, стали с осторожностью относиться к передаче новых функций институтам ЕС. До смены правительства в Польше и разгара миграционного кризиса в 2015 г. вишеградские страны по многим позициям поддерживали Германию. В отличие от Южной Европы, большинство стран – членов ЕС из Центральной Европы придерживались германской политики жесткой экономики с упором на бюджетную дисциплину и реформы, направленные на снижение затрат.

Польшу часто рассматривают в составе ядра европейской интеграции: либо в формате Веймарского треугольника (Франция – Германия – Польша), либо как часть более широкого ядра (шестерка стран – основоположниц европейской интеграции, а также Испания и Польша). Лишь иногда в ядро интеграции включают только старую европейскую шестерку, а Польшу к ядру не относят.

Сторонником межправительственного подхода и гибкой интеграции всегда была и Великобритания. Страны Вишеградской “четверки” видели в ней единомышленника в вопросах развития европейской интеграции и противостояния федералистскому подходу. Поэтому выход Соединенного Королевства из Евросоюза был воспринят ими с большим сожалением. Сразу после британского референдума, летом 2016 г., прошло неформальное совещание стран Вишеградской группы, Великобритании, Австрии, Греции, Словении, Румынии и Болгарии. Эта встреча стала своеобразным ответом на неформальный саммит стран – основоположниц европейской интеграции, который также был посвящен результатам британского референдума. Такие неформальные саммиты Вишеградской группы, иногда в расширенном составе, вызывают недовольство у “старой Европы”.

Если в годы правления в Польше партии “Гражданская платформа” (ГП) Варшава ориентировалась в европейской политике, безусловно, на Берлин, а Дональд Туск – на Ангелу Меркель (ГП и ХДС вместе состоят в Европейской народной партии, ЕНП), то после 2015 г., когда к власти пришла национал-консервативная партия “Право и справедливость” (ПиС), Польша переориентировалась с ФРГ и континентального ядра на США в вопро-

сах обороны и международных отношений, а в Европе – на Великобританию, и тори формировали общую повестку в Европейском парламенте (ЕП) в составе фракции Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР).

Брекзит усилил политический вес еврозоны в ЕС. Из стран Вишеградской “четверки” в зону евро входит только Словакия. Станет ли этот фактор значимым для единства группы, ускорит ли вступление остальных вишеградских стран в еврозону – остается вопросом. Еще не вступившие в нее Польша, Чехия и Венгрия декларируют свое обязательное присоединение к ней, но только после того, как национальными экономиками будут достигнуты показатели, позволяющие этим странам успешно развиваться в зоне евро.

В связи с Брекситом увеличился вес Вишеградской группы в институтах Евросоюза. В Совете ЕС значительная часть решений принимается квалифицированным большинством голосов, при котором учитывается доля каждой страны в общей численности населения ЕС. После выхода Великобритании из Европейского союза этот показатель увеличился для всех государств ЕС, но удельный вес голоса у больших стран Союза (в том числе у Польши) увеличился в большей пропорции, чем у средних [4]. Вес малых государств с населением менее 4.4 млн человек в Совете ЕС уменьшился, однако вишеградские страны в эту группу не входят. Польша и Испания увеличили свою долю голосов в Совете ЕС больше всех остальных стран-членов. Доля других членов Вишеградской группы изменилась незначительно. Тем не менее своими силами вишеградские страны не смогут создать коалицию большинства в Совете ЕС. Более того, блокирующее меньшинство может быть обеспечено 35% от общей численности населения Евросоюза. Страны В4 включают лишь 15% от общего населения Евросоюза. Таким образом, после Брексита вес Вишеградской группы в Совете ЕС возрос, но для достижения большинства или блокирующего меньшинства В4 необходимо искать союзников.

В Европейском парламенте до Брексита были представлены 106 депутатов от В4 при общем количестве европейских парламентариев 751, то есть 14.11%. После Брексита Польша и Словакия получили по одному дополнительному депутатскому месту. В4 стали представлять 108 из 705 депутатов ЕП, то есть 15.31%. Доля В4 в Европарламенте возросла, но совершенно не значительно.

Абсолютно такая же доля (15%) у В4 в большинстве Еврокомиссии (65 из 432 депутатов трех фракций мейнстрима – ЕНП, социал-демократов и либералов). Этот показатель, однако, может измениться в случае выхода венгерской партии “Фидес” из ЕНП и ее вступления во фракцию Ев-

ропейских консерваторов и реформистов (что маловероятно). Во фракции ЕКР доля В4 составляет 53%. В случае если в нее вступит “Фидес”, доля “четверки” возрастет еще больше. После выхода из ЕС Великобритании ЕКР можно назвать региональной вишеградской фракцией в Европарламенте. Также значительна доля В4 в Европейской народной партии – 21% депутатов.

Анализируя позиции политических партий стран “четверки”, можно заметить, что большинство ведущих политических сил всех государств В4 выступает с позиций социального популизма, будь то консервативные партии (как ПиС в Польше и “Фидес” в Венгрии) или социал-демократические (как “Курс” в Словакии). Такое внимание к социальной проблематике со стороны подавляющего большинства политических партий стран В4 объясняется неким общим характером их евроскептицизма, характерными чертами которого являются популизм, сокращение брюссельской бюрократии и преодоление демократического дефицита ЕС, а следовательно, межправительственный подход в Евросоюзе и сохранение значения национального государства, отстаивание экономических интересов В4 в Евросоюзе, поддержка европейской интеграции в духе “сначала понять, что выгодно”. Поскольку, как правило, членство в ЕС экономически выгодно, подавляющее большинство вишеградских евроскептических партий стоят на позициях мягкого евроскептицизма и не подвергают сомнению членство их стран в Евросоюзе. Даже крайне националистическая венгерская партия “Йоббик” ратует за вступление в еврозону, поскольку это выгодно для Венгрии, а также за построение социального союза ЕС. За выход из Евросоюза выступают только чешская партия “Свобода и прямая демократия” и словацкая “Котлеба”, которые занимают маргинальное положение в своих странах.

Национализм в “четверке” часто сводится к антииммигрантской и традиционалистской повестке. Антииммигрантская платформа характерна даже для партии “Курс” в Словакии. В этом смысле общей особенностью партий В4 являются социальный популизм, мягкий евроскептицизм и антииммигрантская платформа. В этой ситуации деление на правых и левых часто можно считать довольно условным.

Популизм напрямую связан с коррупцией и неэффективностью управления. В случае с правлением ПиС в Польше, “Фидес” в Венгрии, а ранее – партии “Курс” в Словакии к коррупции добавляются антидемократические реакционные шаги. Зачастую прогрессивные слои общества выступают против популистов и, как в случае с Польшей и Венгрией, антидемократических тенденций.

Так, в последние годы прогрессивные и проевропейские силы имели определенные успехи в Венгрии (местные выборы 2019 г.), Словакии (президентские выборы 2019 г. и парламентские выборы 2020 г.). На президентских выборах в Словакии в 2014 и 2019 гг. умеренные проевропейские кандидаты проигрывали радикально проевропейским – тем, кого не устраивало соглашательство с умеренными евроскептиками. Поэтому зачастую демонстративное противостояние с Брюсселем софт-евроскептиков, вероятно, не будет постоянным атрибутом стран В4. Чем жестче евроскептическая риторика правительств, тем сильнее проявляются раскол общества и непримиримость оппозиции антиевропейской политике.

В последние пять лет правительства Венгрии и Польши находятся в состоянии конфронтации с Брюсселем. Руководство ЕС обвиняет Будапешт и Варшаву в отходе от европейских ценностей и принципов демократии и периодически угрожает им санкциями, что является тяжелым испытанием для интеграционного объединения. Одно из проявлений этого противостояния – конфликт между Европейской народной партией и входящей в нее партией В. Орбана “Фидес”. Несмотря на то что кризис между ЕНП и “Фидес” происходит на протяжении последних нескольких лет, доминирующая партия Венгрии так и не была исключена из ЕНП. С одной стороны, лидеры Европейской народной партии не хотят численного ослабления их фракции в Европарламенте (в случае выхода “Фидес” ЕНП останется самой многочисленной фракцией, но ее преимущество перед социал-демократами перестанет быть серьезным); также проевропейские консерваторы стремятся сохранить “Фидес” внутри ЕНП с целью оказывать на нее влияние. С другой стороны, В. Орбан сам не стремится выйти из Европейской народной партии. Он уже объявлял себя наследником Г. Коля и защитником Европы. Премьер-министр Венгрии пытается изменить ЕНП и стать одним из лидеров политического мейнстрима, что у него вряд ли получится. Тем более что и во фракции Европейских консерваторов и реформистов “Фидес” не станет лидером, а будет на вторых ролях после польской ПиС. Вероятно, Орбан не хочет покидать ЕНП больше, чем последняя хочет его исключить.

В. Орбан пытается балансировать в своих отношениях с европейским политическим мейнстримом. Так, например, он публично заявлял, что поддерживает планы французского президента Э. Макрона по реформированию ЕС. Показательно обсуждение возможности возврата Венгрии к смертной казни. Как только политики Евросоюза заявили, что против Венгрии в таком случае “начнется борьба”, представители “Фидес” поспешили ответить, что такие предложения на политическом

уровне не обсуждаются. То есть для венгерского премьер-министра критика ЕС заканчивается тогда, когда возникает перспектива быть отстраненным от принятия решений в Брюсселе. Позицию В. Орбана в отношении Евросоюза можно считать манипуляторной и популистской. Можно также предположить, что она мягче, чем позиция польской ПиС.

В декабре 2017 г. начался процесс разбирательств против Варшавы, вызванный польской судебной реформой, которая, по мнению Еврокомиссии, нарушает принципы верховенства права и предоставляет исполнительной власти контроль над судебной. На заседании Европарламента Польша была признана страной, подверженной риску нарушения ценностей ЕС.

В марте 2018 г. между Брюсселем и отдельными странами-членами также проявился ряд разногласий по вопросу ценностей. Стамбульскую конвенцию о защите женщин и девушек от насилия отказались ратифицировать Словакия (из-за несоответствия некоторых положений ее внутреннему законодательству), Болгария и Польша (по причине неприемлемой для них трактовки понятия “пол” в тексте конвенции).

Вопрос финансирования из фондов ЕС является одним из важнейших для вишеградских стран. В марте 2018 г. в Софии прошла министерская встреча стран – членов Евросоюза, посвященная разработке многолетнего бюджета. По данному вопросу страны-участницы разделились на два лагеря. Австрия, Германия, Нидерланды и Швеция выступили за замораживание или даже сокращение фонда общей аграрной политики и других европейских структурных фондов в пользу новых приоритетов. Страны Центральной и Южной Европы, напротив, предложили, чтобы финансирование структурной и аграрной политики было сохранено на максимальном уровне. Для этого некоторые государства (страны Балтии и Венгрия) призвали к увеличению бюджета аграрной и структурной политики и даже выразили готовность увеличить свои собственные взносы.

ОБОРОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Самым чувствительным и значимым фактором в интеграционных и международно-политических процессах в целом является политика внешней безопасности. В 1990-е годы все страны Вишеградской “четверки” стремились вступить в НАТО и ЕС в основном по двум причинам: во-первых, по психологической причине (статус, символическое возвращение в Европу), во-вторых, ради гарантий безопасности со стороны западных организаций – НАТО и ЕС. Второй фактор был особенно важен для Польши. По словам немецкой исследователь-

ницы К. Франк, “Польша обладает менталитетом осажденной крепости”, что объясняет особую психологическую потребность в безопасности. Вступление в Североатлантический альянс и Евросоюз было для вишеградских стран следствием широкого общественно-политического консенсуса. Вхождение в Североатлантический альянс было также неофициальным условием приема государств В4 в Евросоюз.

НАТО остается основным институтом, обеспечивающим внешнюю безопасность вишеградских стран. Подавляющее большинство политических сил во всех государствах “четверки” положительно относятся к членству их стран в Альянсе. Лишь отдельные популистские партии, не входящие в политический мейнстрим, могут выступать против обсуждения возможностей гипотетического размещения американских военных объектов в их странах. В целом в государствах В4 США воспринимаются как гарант военной безопасности. Сотрудничество с Вашингтоном в оборонной сфере поддерживается всеми основными политическими силами этих стран и не является предметом для противоречий в обществе.

Развитие оборонного трека интеграции в ЕС обозначило проблему дублирования функций Евросоюза и НАТО. По мнению политической элиты В4, развитие Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) не должно снижать потенциал Североатлантического альянса.

У наблюдателей возникали вопросы, не будут ли вишеградские страны, особенно Польша, противниками развития оборонного трека европейской интеграции. Несмотря на серьезные дискуссии в экспертном сообществе этих стран о соотношении ОПБО ЕС и НАТО, противниками оборонной интеграции они не стали. Государства Вишеградской “четверки” готовы поддерживать развитие оборонной интеграции в Евросоюзе при условии, что она не будет вредить Североатлантическому альянсу и трансатлантическим отношениям. Брекзит и фактор Трампа (американский президент призывает европейских союзников к большей оборонной самостоятельности) стали причиной того, что ОПБО приобрела большую важность для Вишеградской группы.

Если страны старой европейской шестерки являются лидерами развития Общей политики безопасности и обороны, то вишеградские страны – надежными партнерами. Во время председательства Польши в Совете ЕС в 2011 г. ее руководство подготовило рекомендации по развитию ОПБО. Вооруженные силы вишеградских стран участвуют в шести из 20 действующих боевых групп ЕС. Польша является участником проекта европейской военной жандармерии. В проекте

Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*) Словакия ответственна за Центр поддержки стрельбы с закрытых позиций. Венгрия, Словакия и Чехия участвуют в таком международном формате оборонного взаимодействия, как Центрально-европейское оборонное сотрудничество (*Central European Defence Cooperation, CEDC*), а Венгрия – еще и в Инициативе оборонного сотрудничества (*Defence Cooperation Initiative, DECI*).

Видимо, страны Вишеградской “четверки” воспринимают ОПБО ЕС как фактор, улучшающий обеспечение военной безопасности. Особенно значимым для них представляется проект создания Оборонного союза ЕС. Помимо объединения оборонной промышленности стран Евросоюза и создания общего рынка вооружений, Оборонный союз в настоящее время предполагает развитие положения Лиссабонского договора, которое обязывает страны ЕС оказать военную помощь подвергнутому нападению государству Евросоюза до случая коллективной обороны (нападение на одного из членов Оборонного союза считается нападением на всех членов), как это прописано в ст. 5 Североатлантического договора.

Коллективная оборона ЕС – это то, что очень желательно для вишеградских стран. Что же касается интеграции оборонной промышленности и создания общего рынка вооружений в Евросоюзе, то в этом вопросе страны “четверки” занимают традиционную позицию в отношении с Брюсселем: отстаивают выгодные для себя условия. Так, Польша как страна, которая не относится к пятерке европейских лидеров оборонной промышленности, заинтересована в защите своего производителя (*Polski Holding Obronny*). При этом важным для Варшавы будет не нанести урон позициям американского ОПК на своем рынке. Однако, несмотря на всю неоднозначность, создание оборонного рынка ЕС и оборонная интеграция в целом воспринимаются в вишеградских странах в первую очередь как возможность для развития своих вооруженных сил.

Государства В4 считают важной сферу общей обороны и, подобно странам, лидирующим в процессе ОПБО, называют ее укреплением европейской опоры Альянса, а не противовесом США.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И “ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗЕЛЕНАЯ СДЕЛКА”

Атомная энергетика является сферой солидарности вишеградских стран и их противоречий с частью европейского политического мейнстрима. В Венгрии, Словакии и Чехии работают АЭС, часть из них предполагает строительство новых энерго-

блоков, а Польша объявила о планах строительства первой на своей территории атомной станции. Австрия и Германия выступают против усиления атомной энергетики в вишеградских странах. Но последних в этом вопросе поддерживает Франция. При обсуждении “Европейской зеленой сделки” вишеградские страны хотят признать атомную энергетику той отраслью, которая обеспечивает сокращение вредных выбросов в атмосферу и, соответственно, нуждается в финансировании в рамках этой “сделки”.

Проект “Европейской зеленой сделки”, предложенный Еврокомиссией в декабре 2019 г., был воспринят Вишеградской “четверкой” с известной долей скептицизма. Официальные представители государств В4 высказывались за лучшее финансовое обоснование предложенных Еврокомиссией планов. В случае если реализация планов “сделки” привлечет дополнительные средства в страны группы, а атомная энергетика будет обозначена соответствующей целям повестки, они, скорее всего, поддержат ее.

Важным вопросом для В4 является уголь. Венгрия и Чехия, которые могут быть удовлетворены финансовыми компенсациями, вероятно, поддержат предложения “Зеленой сделки” по углю; для Словакии и Польши этот вопрос более принципиальный. Угольный кейс “сделки” может стать показателем солидарности или разных позиций в Вишеградской группе. Если Чехия, Словакия и Венгрия согласны с обозначенным горизонтом документа – 2050 г., то Польша выступает за продление горизонта до 2070 г.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЕС

Проект Энергетического союза является сейчас основной стратегией в сфере энергетической интеграции в Евросоюзе. В 2010 г. тогдашний председатель Европарламента поляк Е. Бузек и бывший председатель Еврокомиссии Ж. Делор озвучили идею создания Европейского энергетического сообщества. В 2014 г. правительство Д. Туска в Польше реанимировало эту идею и предложило более масштабный проект – Энергетический союз ЕС. Основными мотивами этого предложения для Варшавы стали украинский кризис, российская политика в отношении Украины и, как следствие, обостренное стремление снизить нефтегазовую зависимость Евросоюза от Москвы.

В первоначальном виде именно вопросы поставок нефти и газа играли основную роль в документе. Постепенно, когда новые предложения были внесены на общеевропейском уровне, вопросы внутреннего регулирования и экологии тоже стали значимыми, а сама концепция оказалась не

такой, какой Польша ее планировала изначально. Варшава предполагала объявить уголь важным элементом энергетической безопасности ЕС, а также стремилась развивать инфраструктуру для импорта сланцевого газа из средств Евросоюза с целью увеличения доли сланцевого газа. После проработки стратегии в Брюсселе польские предложения были смягчены или отклонены. Так, например, в документе была введена декарбонизация². Таким образом, “концепция энергетического союза стала концепцией энергетического и климатического союза”, а элемент энергетической безопасности был в значительной степени нивелирован [5]. Однако Польше удалось отстоять некоторые предложения по энергетической безопасности, такие как обязательные запасы углеводородов, а также проверка Еврокомиссией договоров на поставку углеводородов в страны ЕС из третьих стран. Как польское правительство, так и польский энергетический бизнес выступают за практику общих закупок углеводородов извне, от которой Брюссель отказался. Но даже в таком виде Энергетический союз соответствует польским интересам, так как усиливает энергетическую безопасность страны и Евросоюза в целом.

Словакия объявила Энергетический союз приоритетом своего председательства в Совете ЕС в 2016 г. Именно словацкий представитель в Еврокомиссии М. Шевчович стал еврокомиссаром по Энергетическому союзу. Главный приоритет словацкой энергетической политики – сохранение транзита по украинской газово-транспортной системе (ГТС) в Словакию. Весь свой газ Словакия получает из украинской ГТС, зарабатывая на транзите и реэкспорте. Именно вопросы энергетической безопасности, возможности обеспечения реверса и резерва в закупках, развития инфраструктуры Север–Юг и диверсификации являются для Словакии самым важным аспектом Энергетического союза. Словакия и Польша имеют одинаковые приоритеты в вопросах энергетической интеграции в ЕС.

Чехия является одной из самых заинтересованных в создании Энергетического союза стран ЕС. Обозначенные Национальной энергетической концепцией Чехии цели соответствуют целям Энергетического союза. Страна досрочно достигла Климатических и энергетических целей ЕС 2020, подразумевающих достижение показателей в энергоэффективности, защите климата и по возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), добилась успехов в энергоэффективности и сокращении выбросов парниковых газов, несмотря на то что является одним из крупнейших производителей и экспортеров

² Под декарбонизацией понимают целенаправленный процесс снижения выбросов углекислого газа в атмосферу.

угля. Но доля угля во внутреннем энергобалансе страны снижается. Прага заинтересована в инвестициях в рамках Энергетического союза для продолжающейся реновации жилых и общественных зданий и проектов по энергоэффективности. Чехия импортирует весь газ из России, поэтому Энергетический союз важен для страны также в вопросе обеспечения энергетической безопасности и диверсификации поставок. Географическое положение Чехии делает особенно важным для нее строительство трансграничной инфраструктуры, на что, в частности, нацелен Энергетический союз.

Венгрия также заинтересована в инвестициях в рамках Энергетического союза. Она имплементировала положения Директивы ЕС по энергоэффективности. Еврокомиссия отмечала успешное продвижение страны к достижению планового показателя выбросов парниковых газов, а также целей в области энергоэффективности и ВИЭ. Однако в секторах, не входящих в систему торговли квотами на выбросы (например, транспорт, сельское хозяйство, строительство и отходы), плановый показатель Венгрии по сокращению выбросов на самом деле превысил венгерские показатели 2005 г. лишь на 10%. В то же время плановый показатель страны в области ВИЭ достигается в основном за счет увеличения доли биоэнергетики, в то время как инвестиции в солнечную и ветровую энергетику не растут по причине в целом неблагоприятного инвестиционного климата: ограниченное финансирование Европейским союзом использования ВИЭ частным и коммунальным секторами и высокие налоги, в том числе на солнечные панели.

Венгрия сильно зависит от поставок российских энергоносителей. 80% своего газа и 100% ядерного топлива государство импортирует из России. При этом в последние годы энергетические отношения двух стран только укрепляются. Для правительства “Фидес” это обстоятельство не представляется проблематичным. Несмотря на то что, подобно Словакии и Чехии, Венгрия получает российский газ по газопроводу “Дружба”, Будапешт выступал за строительство газопровода “Южный поток” – в отличие от Праги и Братиславы. Также правительство Венгрии не является противником строительства “Северного потока-2”. Иными словами, венгерское руководство стремится диверсифицировать поставки газа, в том числе путем строительства новых трубопроводов из России. Венгрия поддержала проект газопровода “Турецкий поток”, по которому российский газ может поступать в страну из Сербии. Поддержка Будапештом этого проекта связана в том числе и с тем, что в 2015 г. Россия перестала штрафовать Венгрию за неполный объем закупок газа, а Будапешт неофициально обещал Москве не продавать реверсом газ Украине. Но основные причины та-

кой позиции Венгрии заключаются в ее непростых отношениях со Словакией и Украиной, а также в том, что у власти находится “Фидес” и премьер-министр В. Орбан. Вместе с тем Венгрия заинтересована в новой газотранспортной инфраструктуре и в строительстве коридоров Север–Юг. В 2015 г. В. Орбан заявил, что Энергетический союз не соответствует венгерским интересам. Главным объектом критики со стороны премьер-министра стал пункт, позволяющий Брюсселю проверять на соответствие сделки стран-членов с третьими странами. Также венгерское правительство планировало ввести налог на энергосети для того, чтобы путем распределения этих средств не допустить роста цен на электричество. Этот шаг, по всей вероятности, противоречил бы законодательству ЕС.

Все страны Вишеградской “четверки” заинтересованы в инвестициях и проектах по энергоэффективности и инновациям в рамках Энергетического союза. У Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии есть опыт интеграции энергетических рынков, которая привела к стабилизации цен.

Итак, традиционно в дискуссиях с Брюсселем для стран Вишеградской группы вопросы энергетической безопасности и экономического роста были важнее климатических и экологических проблем. При этом Словакия и Польша выступают за контроль Брюсселя за договорами стран-членов с третьими странами, а Венгрия – против.

В вопросах больших трубопроводных проектов позиция вишеградских стран неоднозначна. Польша и Словакия являются противниками проектов “Северный поток-2” и “Турецкий поток”. При этом Словакия менее последовательна и готова в случае реализации “Северного потока-2” и дальнейшего развития “Турецкого потока” рассмотреть подключение к коннекторам от этих трубопроводов. Чехия поддерживает проекты “Северный поток” и “Северный поток-2”, поскольку уже реализованный проект соединен с чешским газопроводом “Газель” трубопроводом *OPAL*, а “Северный поток-2” планируется связать с чешской ГТС газопроводом *Eugal*. Что же касается “Южного потока” и “Турецкого потока”, то эти проекты не были в интересах Чехии, так как они представляли собой конкурирующие маршруты поставки газа в Европу. Венгрия же высказывалась за “Южный поток” и “Турецкий поток”, так как новые коннекторы должны были пройти через ее территорию и, соответственно, усилить ее позиции как газового транзитера. К проектам “Северного потока” и “Северного потока-2” Будапешт относился примерно так же, как и Братислава (то есть не поддерживал), но Венгрия готова подключиться к коннекторам от этих трубопроводов.

Помимо географического фактора вовлеченности или невовлеченности трех вишеградских

стран в проекты газопроводов из России, можно проследить стремление к строительству новой инфраструктуры, что предполагает новые возможности стран – как транзитеров, так и реэкспортеров. Польша, подобно ее партнерам по группе, проявляет географический детерминизм в этом вопросе, но она более последовательна в отношении противодействия усилению газового присутствия России в ЕС. Варшава стремится реализовать проекты “Северные ворота” (терминал СПГ в Свиноусце) и газопровод “Балтийская труба”, который должен привести норвежский газ через Данию в Польшу. Проект “Балтийская труба” предусматривает возможность строительства коннекторов в Чехию, Словакию и Украину. Таким образом, Прага и Братислава также будут готовы подключиться к газу из “Балтийской трубы”.

Страны Вишеградской “четверки” демонстрируют различные позиции по газотранспортным проектам, но эти позиции объясняются прежде всего географическим фактором и не приводят к серьезным конфликтам внутри группы и с ЕС.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Вишеградские страны известны своими антииммигрантскими настроениями. В 2015 г., когда начался миграционный кризис, страны Вишеградской “четверки” осуществляли совместное патрулирование границы Венгрии с Румынией и Сербией. Это было, скорее, демонстрацией солидарности, чем практически значимой мерой. Затем, в разгар миграционного кризиса, В4, Великобритания и балтийские государства выступили против квот на распределение соискателей статуса беженца. Перед саммитом ЕС страны В4 собрались на саммите в Праге, где выработали общие позиции. “Четверка” выразила эту оппозиционную Брюсселю и мейнстриму точку зрения уже на саммите Евросоюза в Брюсселе в сентябре 2015 г. Основным мотивом В4 был добровольный характер мер солидарности, позволяющий странам самостоятельно учитывать свои возможности по приему соискателей статуса беженца, – принцип “гибкой солидарности”. В декабре 2015 г. Польша и Венгрия выступили против создания единой Европейской службы пограничной и береговой охраны.

Выступление венгерского премьер-министра В. Orbana 15 марта 2018 г. в 170-ю годовщину Венгерской революции изобиловало нападками на миграционную политику ЕС. Он перечислил европейские страны – Польшу, Словакию, Чехию и Италию, – “присоединившиеся к нему” в борьбе с иммиграцией, которую он ведет с момента своего прихода к власти в 2010 г.

На саммите ЕС в 2015 г. Польша согласилась с введением обязательных квот, а оппозицию доку-

менту составили Чехия, Словакия, Венгрия и Румыния. Бухарест был готов поддержать предложения Еврокомиссии в обмен на незамедлительное вступление страны в Шенгенскую зону. В результате вишеградские страны вынуждены были подчиниться решению большинства. Однако Р. Фицо, бывший в тот период премьер-министром Словакии, и его венгерский коллега В. Орбан подали в суд ЕС иск против системы обязательных квот, предложенной Еврокомиссией.

Тогдашние министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер и председатель Европарламента М. Шульц пригрозили Чехии, Словакии и Венгрии сокращением субсидий из фондов ЕС. Однако противостояние Брюсселя и В4 по вопросам миграционной политики не привело к серьезным последствиям, поскольку общеевропейские решения весьма сложно быстро исполнить и проконтролировать, чем и пользуются страны-члены.

* * *

Важным фактором для внешней и европейской политики стран Вишеградской группы остается престиж и статус. По этой причине страны “четверки” являются сторонниками межправительственного и конфедеративного подхода к европейской интеграции, сохранения национальных компетенций. В последние годы вишеградцы изменили свой подход к концепции “Европы двух скоростей”, которая стала их привлекать. Значительная часть европейского политического мейнстрима также все больше ориентируется на межправительственный, конфедеративный подход и концепцию “двухскоростной Европы”. В видении дальнейшего развития европейской интеграции позиции мейнстрима и В4 сблизились.

Вишеградские страны не хотят выйти из ЕС и не готовы идти на жесткое противостояние с Брюсселем. Популизм их софт-евроскептиков

проявляется не только в их внутренней политике, но и в европейской. Страны группы, которые не входят в еврозону, планируют в нее вступить. Участники В4 также поддерживают основные и самые масштабные проекты европейской интеграции – Оборонный союз, Энергетический союз, “Европейскую зеленую сделку”, хотя и имеют свои особенные приоритеты в этих проектах. Миграционный кризис стал испытанием Евросоюза на прочность, но острота противостояния между странами “четверки” и Брюсселем со временем спала.

8 мая 2014 г. премьер-министр Венгрии В. Орбан, выступая в Берлине, сказал: “Десять лет спустя после вступления в ЕС мы испытываем благодарность Западу за то, что он со всей исторической ответственностью поддержал посткоммунистические центральноевропейские страны в их стремлении быть частью свободного мира. Спасибо за эту солидарность. Особую благодарность мы адресуем немцам и их политическому руководству” [6]. Эти слова иллюстрируют отношение стран В4 к ЕС и своему в нем участию.

Вишеград – это субрегион, имеющий свои особенности в восприятии европейской интеграции. Они заключаются в консерватизме, прагматизме, аграризме, антииммигрантском настроении. В этом на Вишеградскую “четверку” похожи некоторые соседние с ними страны – Австрия, Словения, Хорватия, Литва, Латвия. Это обстоятельство позволяет предположить, что в будущем можно будет говорить о неформальной группе В4+.

Статья выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00107 “Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС: выбор национальных стратегий, реакция на общеевропейские вызовы, развитие связей с РФ”) в ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Schlögel K. *Die Mitte liegt ostwärts: Europa im Übergang*. München, Wien, Hanser Verlag, 2002. 252 s.
2. Сафонова Е.А. Вишеградские страны в Европейском Союзе. *Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения*, 2019, т. 1, № 14, сс. 181-185. [Safonova E.A. Vishegradskie strany v Evropeiskom Soyuze [Vishegrad States in the European Union]. *Voprosy istorii, arkhologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya*, 2019, vol. 1, no. 14, pp. 181-185.]
3. Шишелина Л.Н., отв. ред. *Вишеградская четверка в Европейском Союзе: дилеммы конвергенции*. Москва, ИЕ РАН, 2017. 140 с. [Shishelina L.N., отв. red. *Vishegradskaya chetverka v Evropeiskom Soyuze: dilemmy konvergentsii* [Vishegrad Four in the European Union: Convergence Dilemmas]. Moscow, IE RAS, 2017. 140 p.]
4. Göllner R.T. The Visegrad Group – A Rising Star Post-Brexit? Changing Distribution of Power in the European Council. *Open Political Science*, 2017, no. 1, pp. 1-6.
5. Jakóbič W. The Energy Union is Still Attractive for Poland. *Observator Finansowy*, 22.01.2018. Available at: <https://www.obserwatorfinansowy.pl/in-english/business/the-energy-union-is-still-attractive-for-poland/> (accessed 16.08.2020).
6. Mydło T. Ansprache zur Tagung “25 Jahre. Ungarn und seine Nachbarn. 1989–2014” Regensburg, 13 November 2014. Küpper H., Lengyel Z.K., Scheuringer H., hrsg. *Ungarn 1989–2014. Eine Bilanz nach 25 Jahren*. Regensburg, Friedrich Pustet, 2015, ss. 19-23.

VISEGRAD FOUR AND DEVELOPMENT OF EUROPEAN INTEGRATION*(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 12, pp. 87-95)**Received 01.09.2020.**Fedor A. BASOV (fabasov2@mail.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.**Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project no. 19-010-00107 “The Limits of Independence of the Visegrad Group in the EU: Choice of National Strategies, Response to European Challenges, Development of Ties with the Russian Federation” (IMEMO RAN).*

This article is devoted to the study of the position of the Visegrad countries (Hungary, Poland, Czech Republic and Slovakia) on the further development of European integration. Particular attention is paid to such important EU projects as the Defense Union, the Energy Union and the European Green Deal. The article also analyzes the stand of the Visegrad states on migration issues, institutional problems of European integration, energy security. Prestige and status remain important factors for the foreign and European policy of the Visegrad countries. For this reason, the latter are supporters of an intergovernmental and confederal approach to European integration, preservation of national competencies. In the vision of the further development of European integration, the positions of the mainstream and V4 have come closer. The Visegrad states do not want to leave the EU and are not ready to go to a tough confrontation with Brussels. The V4 countries that are not part of the Eurozone are planning to join it. They also support the main and most ambitious projects of European integration mentioned above, although they have their own special priorities in these projects. Visegrad is a sub-region with its own characteristics in the perception of European integration. These characteristics consist in conservatism, pragmatism, agrarianism, an anti-migrant mood. In this, some neighboring countries are similar to the Visegrad Four – Austria, Slovenia, Croatia, Lithuania, Latvia. This circumstance suggests that in the future it will be possible to speak about the informal group “V4+”.

Keywords: Visegrad Group, Hungary, Poland, Czech Republic, Slovakia, European Union, European integration, Defense Union, Energy Union, European Green Deal.

*About author:**Fedor A. BASOV, Candidate of Political Science, Senior Researcher.***DOI:** 10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95